

Ци Хань позволил этой фразе хлестать его по ушам ещё несколько мгновений, прежде чем смысл дошёл до него окончательно.

Фу Гэ достал кольца вовсе не потому, что хотел вспомнить их прошлое. Ту годовщину, что не должна была состояться, помнил только он один.

Но этого было мало — Фу Гэ собирался уничтожить кольца, которые сам же спроектировал, и подарить их другому мужчине.

Тому самому мужчине, который, как он думал, отдал за него двадцать пробирок феромонов.

И вот теперь Ци Хань в полной мере ощутил, что значит “шить платье для другого”: вся боль и жертвы оказались напрасны, каждый взгляд Фу Гэ достаётся кому-то ещё.

Но даже теперь он не мог сказать Фу Гэ правду.

— Гэ, ты ведь можешь выбрать любой другой подарок для него... — голос Ци Ханя был хриплым и срывался. Он потупил взгляд, чтобы Фу Гэ не увидел, как сильно дрожат ресницы, и попытался сделать вид, что всё под контролем. — Я могу прямо сейчас приказать подготовить что угодно. Это будет самый лучший подарок, я обещаю.

Он уже был готов смириться с тем, чтобы лично подбирать подарок для Ци Чуаня, лишь бы Фу Гэ не трогал кольца.

Но маленький бета ответил резко и однозначно:

— Ничего не подойдёт лучше, чем это.

— ...

Ци Хань глубоко вдохнул, стараясь удержать разлетающиеся куски себя, и закрыл глаза.

— Но это же... это же мое кольцо. Альбом с эскизами пропал. Это единственное, что у меня осталось. Единственное воспоминание, которое мне не отняли. Я даже ни разу не надел его... Ни разу.

Фу Гэ усмехнулся, и в этой усмешке сквозило что-то почти безумное:

— Не надевал, говоришь?

— Ах да, председатель Ци и правда никогда его не надевал. — Он сбросил одеяло и медленно

поднялся, босые ноги мягко коснулись ковра. Шаг за шагом, не торопясь, он подошёл к Ци Ханю, в голосе сквозил ледяной сарказм: — А ведь тогда, когда я, избитый до полусмерти, умолял тебя надеть это кольцо, вы каждый раз отталкивали меня, как надоедливую шавку.

Он сжал в ладони два камня так крепко, что острые грани впились в кожу, оставляя красные отметины:

— Ты это называешь... приятными воспоминаниями?

Губы Ци Ханя дрожали, но он всё равно крепко их сжал, чтобы не выдать дрожь в голосе. Он отвернулся, шумно выдохнув, и прохрипел:

— Хватит меня провоцировать. Я всё равно не позволю.

— А я и не спрашивался твоего разрешения! — резко отозвался Фу Гэ.

— А я тебя просто уведомляю. — Ци Хань резко шагнул вперёд, нависая над ним, и, не дав ему отступить, упёрся руками в кровать, замкнув его между своими руками и её краем. — Отдай мне кольца. Я сам подготовлю подходящий подарок.

Голос звучал жёстко, даже властно, но в нём сквозила такая отчаянная мольба, что было больно слушать:

— Гэ... умоляю... пожалуйста, оставь их мне...

Эта едва сдерживаемая безнадежность, влажные, покрасневшие глаза, затравленное выражение на лице — на секунду Фу Гэ показалось, что перед ним снова стоит тот самый восемнадцатилетний мальчишка, который тянулся к нему ночами, жадно и боязливо, как раненое животное.

В его глазах мелькнула растерянность, но длилась она всего мгновение. Он резко зажмурился, сжал камни ещё крепче, и, стоило ему снова открыть глаза, взгляд стал холодным и жёстким.

Он скользнул взглядом по броши на стене, и губы тронула ледяная усмешка.

— Хорошо. — Фу Гэ резко перехватил кольца и камни, и прежде чем Ци Хань успел понять, что происходит, яростно швырнул их в сторону окна: — Раз так, то эти побрякушки вообще ни к чему!

— Не смей!

Ци Хань успел перехватить его руку в последний момент. Он резко дёрнул её вниз, прижав Фу Гэ к постели, и, почти навалившись сверху, зашипел:

— Ты же не собирался дарить ему эти кольца. Ты вообще не собирался делать из них зажим для галстука. Ты просто хотел сделать мне больно, так ведь?

Фу Гэ тяжело дышал, запрокинув голову, и ничего не ответил, но в его взгляде сквозило такое упрямство, что это молчание говорило громче любых слов.

Ци Хань не выдержал: отчаяние, копившееся так долго, прорвалось мгновенно, как сорванная плотина. Он резко перехватил запястья Фу Гэ и, прижав их к подушке над головой, зашипел почти в самое ухо:

— Я знаю, я виноват. Я сволочь. Я заслужил всё это. Я готов отдать тебе всё, что угодно, готов терпеть любые твои издевательства, только делай что хочешь — но оставь в покое других!

Он стиснул пальцами подбородок Фу Гэ, вынуждая того посмотреть ему в глаза, и его холодный, безжалостный взгляд напоминал глаза змеи, что поймала добычу:

— Или тебе подумалось, что если я раз за разом уступаю, ты можешь вешаться на других мужчин, а я промолчу?

Ответом ему был только оглушительный звон пощёчины.

Голова Ци Ханя резко дёрнулась в сторону, на щеке мгновенно проступил яркий след.

— Между нами всё кончено. — зло прошипел Фу Гэ, и в глазах его пылала ненависть, от которой по коже пробегали мурашки. — С кем я хочу спать и кого хочу любить — не твоё дело!

И пусть к Ци Чуаню у него не было никаких чувств, кроме благодарности, но это не мешало ему наслаждаться тем, как на глазах Ци Ханя загорается эта болезненная, почти безумная ревность.

Ци Хань даже не попытался увернуться. Он молча вытер кровь с губ и резко нагнулся, ловя его губы в жёстком, почти зверином поцелуе.

— Тогда давай, попробуй! — почти яростно прошипел он, смыкая пальцы на его затылке, не давая отвернуться.

— Мм! Пусти, пусти меня! — Фу Гэ попытался оттолкнуть его, но чем сильнее он вырывался, тем крепче Ци Хань вжимал его в кровать, будто собирался вырвать ответ прямо из его губ.

Фу Гэ яростно вырывался, его руки били и царапали, ладони осыпали Ци Ханя ударами по лицу и голове. Ци Хань, перехватывая запястья, удерживал его, и в каждом его движении сквозила такая мучительная безысходность, что казалось, он сам был готов разорваться на части.

Губы горчили, будто он только что проглотил что-то ядовитое. Ци Хань собирался было захватить его губы вновь, как вдруг резкая боль прострелила язык — Фу Гэ с яростью вцепился зубами, до крови.

Ци Хань дёрнулся, резко отпрянув, и встретился с его взглядом: в темных глазах Фу Гэ плескалась такая ненависть, что, казалось, она способна сжечь его дотла.

— Председатель Ци хочет повторить то, что происходило в те четырнадцать дней? — холодный голос разнёсся по комнате, заставляя кровь стыть в жилах.

Остатки разума вернулись с такой силой, что в висках загудело. Он резко отстранился, отпуская Фу Гэ:

— Прости... я... я больше не сделаю этого. Я же обещал, что больше не трону тебя. Но с Ци Чуанем — это другое...

Голос его сорвался, и он резко переменял тему, нагнулся и поднял скомканное в драке одеяло, откуда выпали камни и кольца. Его голос прозвучал почти отстранённо:

— Эта фармацевтическая компания Ци Чуаня слишком хрупкая. Достаточно отобрать у них лицензию на продажу на пять лет, и она превратится в пустую оболочку. Я сомневаюсь, что он рискнёт довести её до банкротства ради твоего зажима для галстука. Так что, Фу Гэ, тебе лучше подготовить другой подарок.

Фу Гэ молчал, но в его взгляде застыли острая насмешка и даже что-то вроде горькой иронии:

— Так вот на чём держится ваша репутация, председатель Ци. Злоупотребление властью и разборки с конкурентами.

Ци Хань даже не попытался возразить. Он смотрел прямо на него, и в его глазах уже не было ни стыда, ни сомнений:

— Да, это может стать первым пятном на моей карьере. Спасибо ему за это.

Фу Гэ уже не хотел продолжать этот разговор. Он только молча смотрел на кольца в руках альфы, а глаза Ци Ханя были такими затуманенными, будто их застилала пелена, не позволяя разглядеть ничего перед собой.

— Я тоже приготовил тебе подарок.

Ци Хань пошарил в кармане и достал небольшой USB-накопитель, аккуратно вложил его в ладонь Фу Гэ. Тот с недоумением уставился на него, не понимая, что внутри.

— Это ведь то, что гэ больше всего хочет получить, не так ли? — хрипло сказал Ци Хань. — Там... одна запись за те четырнадцать дней, запись с камер перед подвалом и фотографии твоих ран — на руках и ногах.

Губы его дрожали, голос ломался на каждом слове, и он опустил взгляд, чтобы не видеть, как меняется выражение лица Фу Гэ.

— Это все доказательства того, что я действительно держал тебя взаперти и мучил. Ты можешь отнести это в полицию в любой момент. Я сам найму тебе адвоката.

Глаза Фу Гэ расширились, зрачки дрогнули от внезапного шока, и на миг в них мелькнуло что-то вроде растерянности, смешанной с глухим ужасом:

— Ты... ты хранил это так долго? Или это... ты только что?..

Ци Хань не стал отвечать, только тихо коснулся его носа, улыбаясь с такой горечью, что было невыносимо смотреть:

— Ты ведь так сильно хотел, чтобы меня наказали, но не хотел пачкать свои руки. Я подумал, что тебе это очень пригодится.

Фу Гэ резко всхлипнул, губы его задрожали, пальцы, скрытые под одеялом, непроизвольно сжались. Голос его сорвался, хриплый и дрожащий:

— Бета, помеченный на всю жизнь, имеет те же права что и омега. Твоё удержание меня и истязания — это тяжкое преступление. Если бы я передал это полиции... — он заговорил медленно, но голос его дрожал. — Если бы я это сделал...

Голос оборвался, и он не смог договорить.

— То меня приговорят к смертной казни. — Ци Хань подхватил его слова легко и непринуждённо, будто говорил о чём-то совершенно обыденном — А потом ты сможешь забрать мою жизнь как должное. Так что, в качестве ответного подарка... оставь мне кольца.

Он уже сказал это однажды: всё, что захочет Фу Гэ, он отдаст.

Не важно, было ли это до всех тех грехов или после того, как правда вышла наружу. Маленький бета был единственным человеком, которому он позволял себя разрушать.

Он не знал, передаст ли Фу Гэ эти доказательства в полицию и когда это произойдёт. Но, поставив всё на кон, он одновременно старался ускорить лечение Фу Гэ, как будто пытался успеть до того, как всё станет окончательным.

Если его приговорят к смерти, Фу Гэ станет свободным.

Если пожизненное — он просто хотел успеть вылечить его до того, как это случится.

Фу Гэ широко распахнул глаза, уставившись на него, и на мгновение ему показалось, что он ослышался:

— Ты с ума сошёл? Ты отдаёшь мне все эти доказательства... только ради этих колец?

— Да. — Ци Хань кивнул и раскрыл ладонь, аккуратно пододвигая кольца ближе. Голос был почти умоляющим, таким тихим и хрупким, что казалось, он сейчас сорвётся: — Я сам подготовлю подарок для Ци Чуаня, любой, какой захочешь. Но только это — нет.

— В конце концов, это ведь вещи, которые тебе уже не нужны.

Фу Гэ замер, как будто его ударили. Пальцы непроизвольно дёрнулись, и холодные камни внутри ладони обожгли кожу. В его глазах вспыхнуло что-то вроде ярости, смешанной с таким болезненным недоумением, что он сам не мог понять, что именно сейчас чувствует.

— Ты идиот — сорвалось с его губ, почти шёпотом, дрожаще и глухо. — Ты же действительно сошёл с ума...

Он отвернулся, словно не в силах вынести этот взгляд, и едва не задохнулся, тяжело и прерывисто хватая воздух.

Но Ци Хань даже не шелохнулся. Он продолжал стоять на месте, с таким выражением, будто каждый миг готов был рухнуть на колени.

— Пожалуйста, просто оставь мне это. — почти беззвучно прошептал он.

Фу Гэ сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Губы его дрожали, и он несколько раз срывающимся голосом пытался что-то сказать, но слова застревали в горле.

— Ты ведь и правда хочешь умереть, да? — хрипло выдохнул он, не глядя на него. — Тогда

почему ты просто не убил себя раньше?

Голос его дрожал, как натянутая струна, и он сам не понял, почему этот вопрос сорвался с губ.

— Потому что я хотел вылечить тебя. — Ци Хань ответил на это так просто и честно, что у Фу Гэ на миг перехватило дыхание. — Я ведь тогда пообещал тебе. Что бы ни случилось, я должен был довести это до конца.

Он горько усмехнулся, закрывая глаза:

— Так что дай мне хотя бы это, Гэ.

<http://bllate.org/book/14453/1278323>